

В плену у релятивизма.

„Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой-бы то ни было объективной, независимой от человека существующей мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание“ (133 стр.).

„Меньшинство новых физиков, под влиянием ломки старых теорий великими отпрысками последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму“ (365).

„Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии“ (349).

Н. Ленин. 1908 1).

Из статей, помещенных в последней (№ 9—10) книжке журнала „Под знаменем марксизма“, особенное мое внимание обратила статья т. А. А. Максимова „О принципе относительности А. Эйнштейна“.

Статья эта снабжена эпиграфом—цитатой из книги т. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“¹⁾, взятой и нами в качестве эпиграфа.

¹⁾ „Материализм и эмпириокритицизм“. ГИЗ. 1920 г.

В учености с т. Максимовым я не берусь состязаться, но тем не менее мне кажется, что его статья не выдержана в духе и с точки зрения именно этого эпиграфа. Точнее говоря, эта статья не выдержана с точки зрения марксистской философской теории. Больше, она явно и особенно в первой своей части противоречит ей.

Попробуем доказать это—наше утверждение.

Одним из коренных и основных вопросов так называемой теории познания является вопрос о времени и пространстве. Для марксистов это не подлежит никакому сомнению,—и всякая попытка свести этот вопрос к второстепенному, придать ему какой-то частный, „специальный“ характер есть явная несуразность и в то же время попытка открыть двери к самому доподлинному и деализму. Поэтому, от тех товарищей, которые берутся за трактовку вопроса о пространстве и времени, следует требовать точности и ясности, уметь не путать и не смешивать различных вещей. Напутать в этом вопросе,—это значит напутать в основном, сделать путанной и никчемной всю нашу марксистскую теорию познания.

Подходя к вопросу о пространстве и времени, тов. Максимов говорит:

„Принцип относительности не только с особой силой вновь, после неоднократно делавшихся ранее попыток, утвердил относительность пространства и времени, но и широко, как никогда, популяризировал такое воззрение. Можем ли мы согласиться с относительностью понятий пространства и времени или должны считать их абсолютными, т.-е. всегда и везде неизменными?“

Читая эти строки, вы сразу же задаете себе вопрос: о чем собственно тут идет речь: о понятии пространства и времени или о пространстве и времени, объективных реальностях, независимых от нас?

Этот вопрос совершенно законен, ибо мы, марксисты, эти две его стороны всегда различаем,—и должны различать,—в отличие от буржуазных путаников. Больше, если мы хотим дать на соответствующий вопрос правильный и точный ответ,—такое различие для нас совершенно необходимо.

История постановки и попыток решения вопроса о пространстве и времени дает богатую иллюстрацию того, как даже люди, искренно желающие быть марксистами, скатывались к махизму, к голому релятивизму, коль скоро они не умели соблюсти этого различия.

Самое главное тут то, чтобы знать, чтобы уметь понимать что восприятие нами через наши органы чувств пространства и времени, выработка их понятий,—это одно, а соответствует ли этим

нашим понятиям объективная реальность, независимая от нас,—это другое.

Итак, о чем же идет речь у т. Максимова с этой точки зрения?

Чтобы попытаться на этот вопрос найти ответ,—послушаем, что у тов. Максимова сказано дальше:

А сказано у него следующее.

„Так как,—говорит он,—движение совершается в пространстве и времени, то мы можем сказать, что пространство и время суть формы существования материи и относительно так же, как относительно движение и относительно покоя. Таким образом, относительность пространства и времени для нас является необходимым и единственно возможным выводом из всего нам известного о природе или основе ее—материи“.

Мы можем здесь уже констатировать с полной ясностью, что т. Максимов имеет в виду относительность пространства и времени, а не относительность понятий времени и пространства. Текст приведенной цитаты, даже при желании сомневаться в его ясности, обязывает нас сделать именно такой вывод. Поэтому в наших рассуждениях мы должны исходить из этого вывода, тем более, что ниже после анализа примера с Эвклидовой геометрией, т. Максимов аутентично и совершенно категорически заявляет:

„Таким образом, мы окончательно приходим к признанию относительности пространства и времени“.

Совершенно очевидно, следовательно, что т. Максимов, ведет речь об относительности именно пространства и времени.

Но если это так, то вышеприведенные утверждения т. Максимова насчет времени и пространства—не верны. Мы определенно заявляем, что в этом утверждении относительности пространства и времени, т.-е. в том, что и пространство и время есть нечто относительное,—нет ничего марксистского. Такое утверждение есть идеалистическое утверждение.

Посмотрим, в самом деле, как обстоит дело с пространством и временем с точки зрения марксизма, с точки зрения материализма.

Тов. Максимов ссылается на Энгельса в определении того, что такое движение. Цитируя Энгельса, он пишет: „Движение есть форма существования материи“ (Энгельс. „Анти-Дюринг“). Однако, говоря о пространстве и времени, тов. Максимов почему-то забыл об Энгельсе, а между тем в том же „Анти-Дюринге“ мы по этому вопросу находим у Энгельса точное и категорическое положение, именно:

„Основные формы всякого бытия суть пространство и время, и бытие вне времени представляет столь же великий абсурд, как и бытие вне пространства“¹⁾.

А если вспомнить и Фейербаха (Werke, II, 332), то у него по этому же вопросу найдем следующие строки:

¹⁾ Ф. Энгельс. „Анти-Дюринг“. Изд. Пет. Совета, 1918 г. (Курсив наш).

„Пространство и время—не простые формы явлений, а коренные условия... бытия“ (Курсив наш).

Эти два утверждения с несомненностью показывают, что пространство и время есть не что иное, как объективные реальности. Это, следовательно, есть не только понятия, которые и только которые—разумеется, изменчивы и потому относительны,—но и нечто такое, что существует вне нас, независимо от нас, как объект, воздействующий на наши органы чувств.

Понятия о пространстве и времени, представление о них—относительны, изменчивы. Но это обстоятельство ни в коей мере не колеблет той истины, что и пространство и время, как таковые, есть объективные реальности. Ибо если исходить из того, абсолютно правильного для нас положения, что в мире есть только одна движущаяся материя, то совершенно очевидно, что эта движущаяся материя не может двигаться вне времени и пространства. Это ясно и для т. Максимова. И глубоко прав т. Ленин, когда говорит („Материализм и эмпириокритицизм“. Госиздат. 1920 г.):

„Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина (курсив наш И. С.), эти относительные представления, развиваясь, идут по линиям абсолютной истины (курсив наш И. С.), приближаются к ней“.

Из этого положения прежде всего явствует, что объективная реальность пространства и времени есть для нас,—и мы это отнюдь не боимся произнести,—абсолютная истина, так же, как абсолютной истиной является для нас движущаяся материя. Движущаяся материя, пространство и время,—это есть по сути дела одна объективная реальность, ибо нет материи без движения, „движения немислимы без материи“ (Энгельс), а движущаяся материя немислива вне и без пространства и времени.

Итак, выше нами с достаточной точностью и определенностью установлено, что, во-первых, пространство и время как объективные реальности,—это одно дело, а понятие пространства и времени,—это другое дело. Во-вторых, мы показали, что, с марксистской точки зрения, пространство и время—это объективная реальность, независимая от человека, а понятие пространства и времени, представление о них,—как впрочем и всякое представление,—изменчивы, следовательно, относительны.

Посмотрим теперь, как обстоит дело со всем этим у т. Максимова.

Прежде всего нам кажется, что т. Максимов в своих рассуждениях о пространстве и времени потерял грань, которая существует между диалектическим материализмом и релятивизмом. В чем эта грань? Коротко говоря, она заключается в том, что диалектический материализм, признавая относительность наших представлений, понятий и знаний, отнюдь, однако, не отрицает тем самым объективной (абсолютной) истины, т.-е. объективной, независимо от нас существу-

ющей реальности. Следовательно, релятивизм, в концепции диалектического материализма, есть только один из его моментов.

Совершенно иначе дело обстоит с релятивизмом, как с принципом, как с гносеологической основой. Тут для объективной истины, для объективной реальности вообще места нет. Именно эта существенно важная сторона дела и подчеркнута т. Лениным в той цитате, которую мы привели в качестве эпиграфа к нашей статье и которую т. Максимов точно также уотребил в качестве эпиграфа к разбираемой нами его статье.

И эта существенная сторона и представляет из себя ту самую грань между релятивизмом и диалектическим материализмом, которую необходимо иметь в виду и которую упустил из виду т. Максимов.

В самом деле, т. Максимов выдвигает следующее положение:

„Противоположное (относительности И. С.) утверждение абсолютного пространства и времени просто немыслимо для нас“.

Почему? Мы только что ссылками на Энгельса, Фейербаха и Ленина показали, что для них, и конечно для нас, пространство и время есть объективная реальность, есть объективно существующее,—и это абсолютная истина. Максимов же сие обстоятельство решительно отрицает. Для него это немыслимо.

Если бы речь у т. Максимова шла о понятиях пространства и времени, то мы бы, разумеется, согласились с ним насчет их относительности,—но текст ясен и категоричен.

Как же, однако, аргументирует свое положение т. Максимов?

Пространство и время немыслимы для него, как объективная реальность, независимая от человека, потому что это „потребовало бы существования абсолютно неизменной и неподвижной материи, воплощающей в себе это абсолютное пространство и время. Таковой же материи нет“.

Пусть нас извинит т. Максимов, но эта его аргументация никуда не годится. Она представляет из себя чудовищную путаницу.

Марксистская, т.-е. единственно научная точка зрения утверждает, что пространство и время, как объективная реальность (а в качестве таковой они для нас абсолютная истина) ни в коей мере не противоречит именно движущейся материи, которая есть также объективная реальность (и это опять-таки для нас абсолютная истина). Наоборот, вне времени и пространства и именно вне их, как вне объективных реальностей,—не существует и такая объективная реальность, как движущаяся материя.

„Движение не мыслимо без материи“,—говорит Энгельс. „Движение есть форма существования материи“—утверждает он же. Материи без движения нет. Движение немыслимо вне времени и пространства. Вне времени и пространства невозможна и движущаяся материя.

И совершенно нельзя говорить о движущейся материи, если пространство и время, т.-е. то, о чем Энгельс говорит, как об „основной форме всякого бытия“ (у Фейербаха—„коренные условия“), без чего бытие есть „величайший абсурд“, величайшая бессмыслица,—если, повторяем мы, пространство и время трактовать как относительность, а не как объективную реальность. Нельзя говорить о движущейся материи, если вы отнимете от нее пространство и время, объявив их относительными. Движущаяся материя при этих условиях—ничто, немислима.

Тут, таким образом, мы имеем дело, если можно так выразиться, с целокупной объективной реальностью.

Спрашивается теперь, откуда же т. Максимов взял, что пространство и время, как объективная реальность, требует обязательно неподвижной, т.-е. не существующей материи? Откуда он взял, что движущаяся материя предполагает лишь относительность пространства и времени?

На эти вопросы, непосредственно вытекающие из аргументации т. Максимова, нельзя дать вразумительного ответа, ибо эта аргументация в корне ложна и запутана. И в конечном счете у т. Максимова получается: неподвижной материи нет, а движущаяся материя, которую он, как материалист, признает, тем не менее в результате его рассуждений, точно также исчезает.

Отчего же все это произошло? Единственно от того, что т. Максимов не только запутался, но и встал, может быть, и сам того не замечая, на точку зрения голого релятивизма. Иначе говоря, грань между релятивизмом, как принципом, и диалектическим материализмом им утеряна. В этом вся суть. В этом—причина того, что хочет или не хочет т. Максимов, а из его рассуждений, из его аргументации всякий сделает вывод: по Максиму выходит все-таки, что никакой, вообще говоря, объективной реальности не существует. Все относительно!..

Подойдем теперь к утверждению т. Максимова об относительности пространства и времени, взяв вместе с ним в качестве логической аргументации вопрос о движении.

В этом вопросе т. Максимов, как мы видели в начале статьи, отправным пунктом берет положение Энгельса: „Движение есть форма существования материи“—

„Так как,—говорит далее т. Максимов по этому вопросу,—движение совершается в пространстве и времени“, то, следовательно, пространство и время точно так же „суть формы существования материи и,—заключает он,—относительны так же (курсив наш. И. С.), как относительны движение и покой“.

Тут возникает два вопроса: во-первых, что собственно подразумевает т. Максимов под „движением“, во-вторых, откуда у него это словечко „так же“?

Если речь идет действительно о движении, как о форме суще-

ствования материи, как о „присущем свойстве материи“ (выражение самого т. Максимова), т.-е. как о некоей объективной реальности, а не о понятии движения, не о представлении о движении, то говорить об относительности движения здесь не приходится, что тем не менее имеет место у т. Максимова.

Значит, в таком случае констатировать мы должны у т. Максимова опять-таки путаницу и внутреннее противоречие.

Материализм утверждает, что „движение не мыслимо без материи“ (Энгельс). Что оно есть „неразрывное свойство материи“ (Ленин) и что „оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т.-е. перейти на сторону идеализма“ ¹⁾ (Ленин).

Утверждение, что движение есть „форма существования материи“, означает, что вне этой формы материи не существует, следовательно, вне этой формы, т.-е. без движения она (материя) не может воздействовать на наши органы чувств, а это именно и означает, что движение есть объективная реальность. И когда мы говорим о движущейся материи, как об объективной реальности, то мы никак не можем представить себе, чтобы „движущееся“, „движение“ можно как-то, каким-то образом считать относительным, а материю объективно реальной. И если мы такой фокус тем не менее произвели бы, то у нас получилось бы голое ничто.

Вышеизложенные соображения, стало быть, говорят, за то, что т. Максимов, беря за основной пункт своих рассуждений марксистское определение движения,—тем не менее, трактуя его, скатывается к релятивизму. Вопиющее противоречие на лицо.

Однако, если предположить, что т. Максимов, давая определение движения в таких выражениях, из которых следует лишь единственно правильный вывод, что движение есть объективная реальность, все-таки имеет в виду лишь понятие движения, представление о движении и такие вещи, как, например, то, что движение земли нами мыслится относительным к солнцу, что тот или иной предмет движется или покоится относительно к другому,—то в таком случае перед нами на лицо не менее вопиющая путаница, вопиющее смешение двух сторон одного вопроса.

Таким образом, в ответ на поставленный нами вопрос: что у т. Максимова подразумевается под „движением,“ мы кроме путаницы и противоречия ни в том ни в другом случае ничего не получаем. В конечном же результате рассуждений т. Максимова получается, что движение есть относительность, т.-е. и в этом вопросе, как и в вопросе о пространстве и времени, он скатывается к релятивизму, как к принципу.

¹⁾ Курсив наш. П. С.

Вышесказанным насчет движения решается и вопрос о том, откуда у т. Максимова взялось словечко „так же“. Оно—также результат путаницы. Это словечко понятно только в том случае, если т. Максимов считает движение относительностью. В этом случае оно, разумеется, есть логическое звено в его рассуждениях, но тогда мы имеем дело вообще с неверной концепцией, а именно с концепцией релятивизма.

Мне хотелось бы еще остановиться на анализе примеров с Эвклидовой геометрией, но это чрезмерно растянуло бы статью. Ограничусь лишь общими замечаниями насчет так называемого „трехмерного измерения“.

Прежде всего анализ Эвклидовой геометрии у т. Максимова не носит, так сказать, философского характера. Он тут рассуждает лишь как человек, знающий геометрию, знающий математику. Между тем вопрос о пространстве и времени—один из основных философских вопросов. Поэтому анализ Эвклидовой геометрии с этой точки зрения у т. Максимова, вообще говоря, неудовлетворителен и не тот, какой нужен. Это первое общее замечание.

Второе—это то, что в результате своего анализа т. Максимов приходит, тем не менее, к философскому выводу об относительности трехмерного пространства. Не вдаваясь в подробные доказательства неверности этого вывода, мы лишь заметим, что для нас трехмерное пространство именно и есть реальное пространство. И у нас нет желания открывать хотя бы малейшую щель для идеализма в угоду „высшим соображениям математики“. Ибо математика хотя и хорошая вещь, но в своих формально логических требованиях она, превращаясь в голый мыслительный процесс, в процесс голый формальной логики, часто ведет к самому доподлинному идеализму. В этом отношении мы вслед за Энгельсом говорим:

„Идеальная потребность математики не может стать принудительным законом для реального мира“ (Анти-Дюринг, стр. 45. Изд. Петер. Сов. 1918 г.).

Именно поэтому мы далеки от того, чтобы разделять вместе с т. Максимовым чувство преклонения перед математическими соображениями Эйнштейна, как перед верной гарантией того, что при помощи их обязательно будет найдена настоящая объективная истина.

В заключение мы должны сказать, что статья т. Максимова, посвященная принципу относительности Эйнштейна, едва ли окажет услугу марксизму, несмотря на то, что во второй ее части т. Максимов в общем удовлетворительно критикует так называемый общий принцип относительности Эйнштейна, ибо эта критика теряет свое значение благодаря первой части статьи. Тов. Максимов, ополчившись на Эйнштейна, сам оказался в плену у него. С ним приключилось то самое, что сказано в цитате из Ленина, взятой самим т. Максимовым в качестве эпиграфа к своей статье.

Ин. Стуков.